

В ту же секунду семеро увидели, как молчаливый здоровяк подошел к каменному столу, принял устойчивую стойку и с легкостью поднял его. Подняв стол над головой, он уверенно прошел сотню с лишним шагов до финикового дерева и аккуратно поставил его на место. Там, где он ступал, осталась цепочка глубоких следов.

Те, кто изначально хотел спросить Лу Монины, зачем он их обманул, переглянулись и молча проглотили слова, уже готовые сорваться с языка.

Лу Монин обернулся к семерым, которые явно что-то хотели сказать, но колебались, и поднял бровь.

— Есть вопросы?

Семеро дружно закачали головами.

— Нет!

Глаза Лу Монины сузились, от него повеяло тяжелой властью.

— Тогда почему вы не на патруле?

Они тут же выпрямились по струнке.

— Сейчас!

Повернувшись, они поспешили выбежать из канцелярии и побежали на дежурство.

Весь следующий день жители городка Цзянци наблюдали необычную картину: шестеро стражников, которые раньше вели себя как господа, за исключением Хун Гуанпина, который сидел у чайной лавки, о чем-то задумавшись, теперь встречали всех улыбками. Они подходили к каждому и спрашивали:

— Никто не нарушает порядок? Если что, обращайтесь в канцелярию. Честно служим, ни старого, ни малого не обманем, всех welcome!

Люди молча глотали слюну.

Похоже, что-то действительно изменилось, но почему-то у них по коже бегали мурашки.

Лу Монин потратил пять дней, чтобы пересмотреть все прошлые дела. Некоторые документы датировались десятью и более годами назад. Однако, как ни странно, за последние несколько лет дел было крайне мало.

Он отсортировал проблемные дела по десятилетиям, выделил небольшую стопку и, отбирая их одно за другим, оставил только десять старых дел, вызывавших вопросы. Среди них самым серьезным было дело об убийстве на почве прелюбодеяния, остальные же были незначительными.

Лу Монин поручил Сан Пяю вернуть уже просмотренные дела в архив, а сам открыл папку с убийством, которому было не менее пятнадцати лет.

Черная змея незаметно заползла ему на плечо, бросила взгляд на документы и низким голосом произнеса:

— ...В клане Пэй была девушка, шестнадцати лет от роду, прекрасная, как цветок. Тсс, насколько прекрасная? Может, даже красивее тебя, господин судья Лу?

Лу Монин мрачно посмотрел на нее. Змея, вспомнив его мстительный нрав, поспешно проглотила то, что собиралась сказать.

Лу Монин уже несколько раз просматривал это дело и знал его досконально.

Случай произошел пятнадцать лет назад. Семья Пэй жила в самом конце западной улицы городка Цзянци. Это была небогатая семья, в которой было двое детей: старшая дочь шестнадцати лет, отличавшаяся красотой, и младший сын пяти-шести лет. Глава семьи, Пэй Сюн, был охотником и благодаря своему мастерству жил довольно зажиточно.

Однако однажды весной, пятнадцать лет назад, соседи сообщили, что старшая дочь Пэй изменила с женатым мужчиной. Семья этого мужчинки носила фамилию Ши, они жили неподалеку. Обе семьи были охотниками, так что общались между ними довольно тесно.

В то время уездным начальником был Чан Жунхуань, получивший высшую ученую степень. Его ситуация была схожа с нынешней Лу Монины: более десяти лет назад, когда страной правил предыдущий император, городок Цзянци был крайне сложным для управления, поэтому туда и отправили господина Чана.

Первые два года господин Чан управлял действительно хорошо. Однако его достижения были средними, и для реального повышения по службе ему нужно было еще послужить. Но именно в этот момент произошел этот инцидент, который наделал много шума, так как в деле о прелюбодеянии погибло слишком много людей.

В то время господин Чан, получив донос, расследовал дела семей Пэй и Ши, но не нашел никаких улик. Однако тогда обнаружилось, что незамужняя дочь Пэй находится в положении.

Таким образом, это стало железным доказательством.

В то время прелюбодеяние каралось очень строго, а наказание было крайне жестоким. Господин Чан вынес приговор в соответствии со строгими законами Великой Чжао.

Однако как только дело было решено, семьи Пэй и Ши встали на колени перед уездной канцелярией, умоляя сказать, что ничего такого не было. Они заявляли, что дочь Пэй забеременела три месяца назад в результате изнасилования, а не прелюбодеяния. Они уже собирались сообщить об этом, но не ожидали, что пойдут такие слухи.

Но когда господин Чан потребовал, чтобы семья Пэй назвала имя насильника, они не смогли ничего вразумительное ответить.

Господин Чан настаивал на первоначальном приговоре, но, учитывая, что дочь Пэй была беременна, казнь можно было отложить до рождения ребенка. Однако девушка Пэй, находясь в тюрьме, так сильно горевала, что у нее случился выкидыш. Через две недели, не желая подвергаться жестокому наказанию, она повесилась в камере, чтобы доказать свою невиновность.

Ши Дали, глава семьи Ши, которому только исполнилось тридцать лет и был в расцвете сил, также покончил с собой, чтобы доказать свою невиновность.

После смерти Ши Дали это не вызвало большого резонанса, но оставшиеся вдова и сироты из

семьи Ши возложили вину за свои несчастья на семью Пэй и подожгли их дом.

Затем они повесились у ворот уездной канцелярии, все еще в белых траурных одеждах, с иероглифом «Невиновны», написанным кровью на одежде. Это потрясло весь городок Цзянци и вызвало огромный переполох.

Господин Чан поспешно закрыл дело. Вероятно, он не выдержал атмосферы в городке Цзянци, дал взятку вышестоящим чиновникам и перевелся в другое место.

В то время старшим стражником в уездной канцелярии был отец Хун Гуанпина. Он чувствовал, что в этом деле что-то не так.

Ши Дали был в расцвете сил. Если дочь Пэй повесилась, чтобы доказать невиновность, то при внимательном рассмотрении вышестоящими начальствами это должно было вызвать пересмотр дела, но он, будучи мужчиной, тоже пошел на самоубийство.

Отец Хун Гуанпина, старый стражник Хун, считал, что это выглядит очень подозрительно, и хотел провести расследование, но тут случился инцидент с поджогом дома Пэй.

Старый стражник Хун считал, что даже если вдова Ши, госпожа Ши, действительно хотела последовать за мужем, она бы не взяла с собой маленького ребенка. И уж тем более не стала бы поджигать дом — это было слишком жестоко.

Позже он попытался остановить господина Чана, который собирался к повышению, но тот не обратил на него внимания, не желая ввязываться в эту грязную историю, и решительно уехал к новому месту службы.

Старый стражник Хун считал, что столько жизней не могут пропасть зря, и решил сообщить о деле напрямую в вышестоящие инстанции. Но по дороге в областной город он был убит камнем, упавшим с горы.

Хун Гуанпин считал, что во всем виноват Чан Жунхуань. Если бы тот не побоялся ответственности и не прикрывал чиновников ради своей карьеры, городок Цзянци не остался бы без управления, его отец не пошел бы на риск, сообщая наверх, и не погиб бы.

Поэтому Хун Гуанпин возложил эту кровную обиду на уездных начальников городка Цзянци, считая, что все чиновники — плохие люди, которые при первой же опасности трусят и сбегают.

Когда он сам стал старшим стражником, он относился к каждому уездному начальнику с предубеждением: приходил один — гнал другого. Из-за этого городок Цзянци стал самым трудным для управления местом.

Черная змея, увидев конец дела, тоже удивилась.

— Восемь человек погибли? И все просто так оставили?

Лу Монин кивнул.

— Пятнадцать лет назад из-за дела о прелюбодеянии погибло восемь человек. Но в итоге дело было просто закрыто. Тебе это не кажется странным?

Особенно странно то, что в прошлой жизни Лу Монин не сталкивался с этим делом. Возможно, оно было забыто из-за давности лет, но каждый следующий уездный начальник, прибывающий

сюда, даже не упоминал о нем. Поэтому, когда он обнаружил его в архивах, это его очень потрясло.

Старый стражник Хун рассуждал верно: законы Великой Чжао действительно предусматривали суровое наказание за прелюбодеяние, но в основном оно касалось женщин. Мужчины, хотя и могли быть приговорены к смерти, вряд ли бы предпочли самосуд.

Тем более, что у Ши Дали были жена и ребенок, он вряд ли бы просто ушел из жизни, оставив их сиротами.

В этом деле смерть Ши Дали была первой загадкой.

Вторая загадка — это поджог дома Пэй вдовой Ши. В протоколе вскрытия было указано, что вдове Ши было около двадцати шести лет, а рост ее составлял шесть чи и четыре цуня, что на голову ниже Лу Монины.

Он специально измерил балку у ворот уездной канцелярии: она была не менее девяти чи. Даже со скамейкой она не смогла бы сама себя повесить.

И третья загадка...

Черная змея, выслушав анализ Лу Монины, не удержалась.

— Какая третья загадка?

Лу Монин медленно произнес:

— Посмотри сюда: «Семья Пэй и Ши встали на колени перед уездной канцелярией, умоляя сказать, что ничего такого не было, и что дочь Пэй забеременела три месяца назад в результате изнасилования, а не прелюбодеяния. Они уже собирались сообщить об этом, но не ожидали, что пойдут такие слухи».

Черная змея спросила:

— И что? В чем проблема?

Лу Монин ответил:

— Семья Пэй утверждала, что дочь Пэй забеременела в результате изнасилования. Такая возможность не исключалась, но никто это не проверил. Если это правда, то почему это всплыло именно сейчас, спустя более трех месяцев молчания?

Черная змея замерла.

— Почему?

<http://bllate.org/book/16611/1519050>